

Сергей Шведов

ПОВЕСТЬ О СИНДЗИ

Сергей Шведов

Повесть о Синдзи

«Издательские решения»

Шведов С.

Повесть о Синдзи / С. Шведов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961360-8

История жизни и приключений в Токио современного подростка и его старшего брата, художника комиксов, внезапно осознавшего, что его фантазии воплощаются в жизнь.

ISBN 978-5-44-961360-8

© Шведов С.
© Издательские решения

Содержание

Повесть о Синдзи (Синдзи-моnogатари)	6
1. Синдзи	7
2. Иши	11
3. Синдзи	16
4. Иши	21
5. Синдзи	24
6. Иши	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Повесть о Синдзи

Сергей Шведов

© Сергей Шведов, 2019

ISBN 978-5-4496-1360-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Повесть о Синдзи (Синдзи-моногатари)

«Девятнадцати лет Монгаку постригся в монахи. Но прежде чем отправиться в странствия в поисках просветления, задумал он испытать, способен ли он переносить телесные муки. В один из самых знойных дней шестой луны отправился он в бамбуковую чащу, у подножия ближней горы. Солнце жгло беспощадно, не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка, недвижный воздух словно застыл. Чтобы испытать себя, Монгаку улегся на землю и лежал неподвижно. Пчелы, оводы, москиты и множество других ядовитых насекомых роились вокруг него, кусая и жала. Но Монгаку даже не шевельнулся. Так лежал он семь дней кряду, на восьмой же день встал и спросил: «Достанет ли такого терпения, чтобы стать подвижником и аскетом?»

– Ни один подвижник не смог бы сравниться с вами! – гласил ответ.

– Тогда и толковать не о чем! – воскликнул Монгаку.

Уверившись в своих силах, пустился он в странствия по святым местам. Сперва он направил стопы в Кумано, решив испытать себя у прославленного водопада Нати. Для первого испытания в подвижнической жизни спустился он к подножию водопада, чтобы искупаться в водоеме. Была самая середина двенадцатой луны. Глубокий снег покрыл землю, сосульки льда унизали деревья. Умолкли ручьи в долинах, ледяные вихри дули с горных вершин. Светлые нити водопада замерзли, превратившись в гроздь белых сосулек, все кругом оделось белым покровом, но Монгаку ни мгновенья не колебался – спустился к водоему, вошел в воду и, погрузившись по шею, начал молиться, взывая к светлому богу Фудо на святом языке санскрите. Так оставался он четыре дня кряду; но на пятый день силы его иссякли, сознание помутилось. Струи водопада с оглушительным ревом низвергались с высоты нескольких тысяч дзё; поток вытолкнул Монгаку и снес далеко вниз по течению. Тело его швыряло из стороны в сторону, он натёкался на острые, как лезвие меча, изломы утесов, но вдруг рядом с ним очутился неземной юноша. Схватив Монгаку за руки, он вытащил его из воды. Очевидицы, в благоговейном страхе, разожгли костер, дабы отогреть страстотерпца. И видно, еще не пробил смертный час Монгаку, потому что он ожил. Едва к нему вернулось сознание, как он открыл глаза и, свирепо глядя на окружающих, крикнул: «Я поклялся простоять двадцать один день под струями водопада и триста тысяч раз воззвать к светлому богу Фудо! Сейчас только пятый день. Кто смел притащить меня сюда?»

При звуке его гневных речей у людей от страха волосы встали дыбом; пораженные, они не нашлись с ответом. Монгаку снова погрузился в воду и продолжал свое бдение. На следующий день явилось восемь юношей-небожителей; они пытались вытащить Монгаку из воды, но он яростно противился им и отказался тронуться с места. Все же на третий день дыхание его снова прервалось. На сей раз с вершины водопада спустились двое неземных юношей; освятив воду вокруг Монгаку, они теплыми, благоуханными руками растерли его тело с головы до пят. Дыхание возвратилось к Монгаку, и он спросил, как будто сквозь сон:

– Вы меня пожалели... Кто вы такие?

– Нас зовут Конгара и Сэитака – мы посланцы светлого бога Фудо и явились сюда по его повелению, – ответили юноши. – Он велел нам:

«Монгаку дал нерушимый обет, подверг себя жестокому испытанию. Ступайте к нему на помощь!»

– Скажите, где найти светлого бога Фудо – громким голосом спросил Монгаку.

– Он обитает в небе Туишта! – ответили юноши, взмыли к небу и скрылись в облаках. Монгаку устремил взгляд в небеса и, молитвенно сложив ладони, воскликнул:

– Теперь о моем послушании известно самому богу Фудо!

Сердце его преисполнилось надежды, на душе стало легко, он снова вошел в воду и продолжал испытание. Но теперь, когда сам бог обратил к нему свои взоры, ледяной ветер больше не холодил его тело, и падавшая сверху вода казалась приятной и теплой. Так исполнил Монгаку свой обет, проведя 21 день в молитве. Но и после этого он продолжал вести жизнь подвижника. Он обошел всю страну, три раза поднимался на пик Оминэ и дважды – на Кацураги, побывал на вершинах Коя, Кокава, Кимбусэн, Сирояма и Татэяма, поднимался на гору Фудзи, посетил храмы в Хаконэ и Идзу, взбирался на пик Тогакуси в краю Синано и на гору Хагуро в краю Дэва. Когда же он посетил все эти святые места, тоска по родным краям завладела его душой и он возвратился в столицу. Теперь это был святой монах, неустрашимый и твердый, как хорошо закаленный меч. Говорили, что молитва его способна заставить птицу, летящую в поднебесье, внезапно упасть на землю».

«Хэйкэ-моногатари»

1. Синдзи

Тебя зовут Синдзи Мегуро, тебе восемнадцать лет, и ты страшно хочешь вон ту девушку на высоких каблуках, что стоит напротив входа в забегаловку, где ты моешь окна, и уже двадцать минут болтает по телефону. Все эти двадцать минут ты моешь чертовы окна и успеваешь ее хорошо рассмотреть, как на картинке в журнале, от высоких торчащих под блузкой грудей до узких бедер, и у тебя уже давно на нее стояк, твой член распирает штаны, и ты боишься, что кто-то это увидит, но ничего не можешь с собой поделать, и только моешь и моешь эти чертовы бесконечные окна. Тебе кажется, что если она простоит тут еще пять минут, а ты продолжишь мыть окна, то, скажи она тебе хоть слово, ты тут же кончишь прямо на тротуар. Но ты молчишь, тихо разглядывая ее, ты слишком испуган, чтобы подойти и заговорить самому, ты не знаешь, что спрашивать, чтобы не наткнуться на ледяную насмешку, и потому продолжаешь тупо мыть окна, прижимаясь к стеклу так, чтобы она не заметила, что у тебя стоит, закрыться, закрыться, закрыться. Это продолжается еще пять минут, те самые пять минут, которых ты так боишься, и потому намываешь окна до блеска, а затем она отворачивается и уходит, а ты бросаешь свою щетку в ведро и бежишь в забегаловку через пустой зал. На твое счастье заведение еще закрыто, и никто не видит твой сокровенный позор, ты чувствуешь, что твой член сейчас разорвется, и ты едва успеваешь добежать до туалета и расстегнуть штаны над толчком, после чего тут же кончаешь со стоном, извергнув из себя все накопившееся напряжение, и потом долго стоишь, прислонившись лбом к холодной, облицованной под дерево, коричневой плиткой стене, жалеешь себя самого, думая в тысячный уже раз, что ты самый отъявленный, самый позорный из всех неудачников в жизни, это обидно до слез, но ты решаешь держаться, вытираешь поникший свой член от свисающих капель спермы, и идешь обратно на улицу, мыть окна дальше, тупо поглядывать на проходящую мимо толпу и ждать следующую девчонку, чтобы все повторилось снова. Кто она, тебя уже не волнует, а все-таки хорошо бы узнать, может, удастся с ней познакомиться и затащить, наконец, в постель. У тебя это так и не получилось, и ты

сходишь с ума, как бешеный пес. Звонит телефон, забытый тобой на стойке, сколько раз он звонил, пока ты торчал в сортире и занимался любовью с самим собой за неимением лучшего, но ты берешь трубку и отвечаешь, делая виноватый голос и зная, что это пройдет.

– Как дела, неудачник?

Ты возмущаешься, но не можешь ответить иначе, кроме как принять на себя удар и смириться с судьбой, которой ты обречен на заведомое поражение. Это преследует тебя с самого детства, с тех незапамятных пяти лет, когда ты провалил первые в жизни экзамены и стал непригоден к карьере. Ты слишком хорошо помнишь все остальное, что тебя ожидало потом, словно вишенка на кремовом торте сверху. Правда, все относительно, и брат, прошедший успешно все эти школьные испытания до последнего, потом все равно стал художником, а не финансовым гением, как мечтал твой отец, осрамил себя и семью, и почти превратился в хикикомори... Не будем о грустном, просто ты привык, что к тебе относятся так же, как и в те далекие лунные пять лет, а на брата возлагают неоправданные надежды...

– Какие еще успехи у неудачников? Правильно, никаких, – говорит тот же голос, словно вещает по радио..

Он взял за правило, раздраженный на провалы своей маленькой фирмы, потерявшей за последние месяцы столько клиентов, сколько иные теряют за несколько лет, искать рядом кого-то, кто выглядит еще хуже. Даже если этим отъявленным неудачником будет собственный сын. Неудивительно, что он радуется тому, как тебе плохо. Даже странно, что он твой отец. Он, помешанный на мотоциклах, на «Кавасаки», древнем, как дедушка, на котором ездят только лузеры и старперы, хотя сам далеко не стар...

Ты отключаешь телефон и идешь домывать чертовы окна.... Десять часов утра.

Разговор произошел накануне, завершившись ледяным перемирием, будто дождь, зарядивший на ночь, просочился сквозь сито крыши, и продолжился сегодня за завтраком с потолка. Тревога нарастает в тебе, становится страшно, но ты молчишь, прислушиваясь к воплям из кухни, и продолжаешь тупо жевать, ожидая, что скоро это случится. Что – ты не знаешь, но чувствуешь кожей, что оно стоит где-то рядом, как призрак, выбравшийся из могилы и досаждающий живым. Ты тупо ешь рамен, сидя за пустым столом перед окном, выходящим на улице с пятого этажа, на виду у зеркальных отелей и чуть подальше, за линией электричек, упирающихся в небо высоченных офисов где то в Ебису или на Синагаве, и даже звукопоглощающие стекла не защищают ночью от грохота поездов. Ты слушаешь, как мать орет из кухни, проводив в школу сестру, словно тебя тут нет, а есть лишь твоя бесплотная тень, которой, в общем-то все равно, лишь бы провести этот день до того долгожданного ночного часа, когда можно пойти кататься на скейте на набережную или пойти тусоваться в переулки на Омоте-сандо с такими же неудачниками. Там, перебравшись через забор, вы сидите толпой на перилах возле детского магазина или рыбного ресторана, или на задворках частной школы, пока кто-то из управляющих не прогоняет вас прочь, уж очень вы отпугиваете посетителей своим хохотом и дикими воплями, хотя наркотой и не пахнет. Но тебе сейчас наплевать, и, не слушая ее вопли, ты вдруг говоришь:

– Мама, я уже взрослый и могу сам платить за себя. И вообще, делай мне, пожалуйста, на завтрак яичницу, сколько раз я просил! Яичницу и сосиски, слышала ты меня! Яичницу и сосиски, пожалуйста! Ради дедушки, мама!

– Что?! – она осекается, голос ее дрожит, неубранная посуда горой возвышается в раковине, тихо плещет из крана вода, что-то жарится на плите и трещит, но она уже озирается в поисках отца за подмогой, но его не бывает дома обычно с семи утра.

– Ты же сама говорила мне, что его душа после всего случившегося не успокоится никогда, – уже испуганно говоришь ты ей несусветную глупость, еще пару месяцев назад произнесенную ей самой.

– Чего это ты там выдумываешь про дедушку! – вопит мать из кухни, и ты уже представляешь себе, как влетает она сюда с мокрой тряпкой, обиженная и оскорбленная за своего старика. Так было уже лет шесть назад, когда ты впервые заметил ей, что ее старик писается и за ним приходится мыть, за что и получил от нее полотенцем по голове. – Он жив, к твоему сведению! Жив и сидит рядом с нами! Забыл, что тебе сказали в монастыре?!

Она и сама не рада, что повторила это вслед за отцом. Ты понимаешь, что сам ее спровоцировал, что все твои выходки утром – только предлог, чтобы заявить о себе, что ты не последний в семье человек, хотя снова, как в детстве, проваливший позорно последние экзамены в колледж, и папа отказывается устроить тебя на работу в свою компанию, и поэтому тебе приходится мыть окна в чертовой «Дори», глазеть не девок, кататься на скейте и сидеть до утра в чатах, трепясь ни о чем. Ты невидимка, забыл?! Ты надеешься среди словесного мусора выудить что-то свое, безуспешно разыскиваемое, хотя до сих пор только впустую просаживал время там. Юя предлагал тебе научиться с ним серфить, ты даже мечтал доску купить, ездить с ним в Камакуру, где у его дядьки дом, откуда виден уже океан, до которого вы добирались на старенькой «Хонде», купались и плавали на доске, но потом передумал, ты слишком ленив, но стыдно это признать, и потому раз за разом придумываешь нелепые отговорки, пока тебя не прижимают к стене, и ты выговариваешь свои позорные страхи на публику.

– Синдзи, – говорит мать внимательно и осторожно, словно боясь дотронуться до раны открытой, – да, ты взрослый, но чем ты докажешь это, если твоей зарплаты хватает только, чтобы оплачивать твои же счета? Мы с отцом всегда помогали тебе. Забыл? Мы по-прежнему тебя любим. Мы давали тебе карманные деньги, помнишь эти тысячи иен?! Даже когда в старшем классе тебе пришла в голову идея заняться тайским боксом, мы не препятствовали...

Спасибо, ты напомнила в сотый раз. Тебя разбирает мой тайский бокс, думаешь ты с досадой, выживая тупо палочками кусочки мяса. Рамен остыл, но ты продолжаешь жевать, смахивая крошки с лица и с силой проглатывая, словно давясь, заставляя себя глотать холодную тягучую массу, бывшую когда-то лапшой. Ужас, и только. Ты знаешь, что мать не умеет готовить и никогда не умела прежде, и любая из твоих забегаловок, «Яшинойя» или «Шиаци», дурацкая китайская забегаловка неподалеку от Синагавы, в котором ты мыл чертovsky окна три месяца назад, накормит лучше, чем дома. Ты вспомнил про Синагаву, там на станции вы торчите в барах и забегаловках вечерами, потом сбившись в стаю, едете в Ебису или Сибуя, а значит, вспомнил и про Громилу и тайский бокс... Тайским боксом тебя соблазнил тот же Юя, которому давался любой спорт, то ли потому что брат его ездил на международные соревнования, то ли отец когда-то был бейсбольным судьей, короче говоря, тогда ты попал. Вы занимались тайским боксом в компании таких же пацанов лет двенадцати-четырнадцати месяца два, в подвале под ночным клубом, где по пятницам до утра тусовались клерки, и Татсуя выпендривался как мог, гоняя вас и заставляя слушать его высокопарные речи. Он возомнил себя настоящим учителем, этот двадцатилетний пацан, отрабатывая на каждом из вас приемы, которые повергали вас в изумление, и заставлял покупать ему новую форму, собирая с вас дань. Вы слушали его с раскрытым ртом, и исправно сматывались с уроков, доводя до скандалов в школе. В один прекрасный вечер к вам в подвал завалился Громила, живший неподалеку от Синагавы, которому море было по колено, а лапшу на уши не навесишь, как-никак, сын бывшего члена банды водопроводчиков, грабивших квартиры в пригородах, что, впрочем, тоже было неправдой, слухами, сплетнями, распускаемыми в школе им же самим, – Громила-кун всегда умел поддерживать свой дутый авторитет. Он послушал учителя Татсую, тот был в ударе и порол всякую чушь, то и дело поправляя прилизанные и уложенные гелем длинные выкрашенные в пшеничный цвет волосы, а потом завалил его одним коротким ударом, не сходя с места и плевать хотел на все его боевые стойки. Татсуя взбеленился и снова полез в драку, чувствуя, что его могуществу в один миг приходит конец, тогда Громила, недолго думая, уже навалил ему по первое число, словно какой-нибудь долбаный шизофреник на улице. На этом авторитет

Татсуи и сами занятия кончились, больше ты в его подвале не появлялся, да и сама группа распалась, и теперь оставалось лишь вспоминать свое странное увлечение с чувством стыда.

Ты встаешь, и, не слушая больше ее попреки, идешь к холодильнику. Можно подумать, ты напился вчера, как Громила, делающийся уже с этих лет алкашом, или подрался с кем-нибудь из посетителей забегаловки и по глупости снова попал в участок, и тебя привезли домой полицейские, выписав штраф с десятью нулями. Но ты не можешь так ей ляпнуть от всей души, как говорит в этих случаях обычно Громила, ничуть не смущаясь: «Мама, отстань, иди в задницу, дай мне поспать!». Он-то в отличие от тебя, может все, у него есть это право совершеннолетнего. А ты попросту невидимка.

Ты распахиваешь холодильник в поисках сока и тут же захлопываешь его, отплевываясь от нестерпимой вони, бьющей немедленно в нос. Будто кошка сдохла.

– Мама, твое тофу опять протекло! Сделай же что-нибудь с ним, в конце концов! Я хочу яичницу и спагетти!

Мать всплескивает руками. На самом деле, она совсем не умеет готовить, но ты боишься ей прямо об этом сказать. Ее попытки как-то ублажить тебя заканчиваются тягомотной противной пищей, которую тебе хочется выплюнуть, но приходится дожевывать до конца, как например вчерашнюю курицу, которую она пережарила и еще наперчила зачем-то, думая, что так вкуснее. Тебе стыдно ей об этом сказать, но когда-нибудь придется развеять ее иллюзии. Зато сейчас возникает прекрасный повод скорее смыться из дома до самого вечера.

2. Иши

Иши спал, и сквозь шум и гудки, доносившиеся с улицы, ему снилось, как в каком-то огромном небесном офисе Нефритовый Император вел утреннюю планерку. Должно быть, он был чересчур впечатлительным, и утренние земные планерки, к которым он понемногу привык, стали частью его сознания, и теперь выскакивали во сне в столь извращенном виде. На тех планерках была традиция: каждый, ее ведущий, должен рассказать что-нибудь поучительное из жизни. Считалось, что это способствовало к укреплению коллектива. Видимо, пятничных вечерних попоек начальству уже не хватало, людей надо было держать в тонусе постоянно. Всякий раз Иши ждал этих рассказов старших, чтобы потом использовать для своих картинок, хотя от некоторых волосы вставали дыбом, или вставало нечто иное, чего он смущался. Но тут, не дослушав Нефритового Императора, порицавшего его и вытаскивавшего все грехи, Иши проснулся от звонка телефона. И вскочил, как ужаленный.

Дождь лил как из ведра, как будто небо, солнечное еще утром, прорезанное прожилками белыми, словно в мясе, слоями наструганных облаков, вдруг опрокинули изнанкой над крышами упирающихся в серую топь небоскребов. Оно оказалось дырявым и полным холодной гнилой воды, принесенной с моря, ливануло, не щадя настроения, создавая заторы и понесло с собой сор и опавшие листья, а не надо бы... Бегут, раскрыв сотни зонтов вокруг, щелкают по плитке каблуки, под прозрачными маленькими куполами улыбаются лица, рестораны, кафешки, бары уже раскрыты, но еще не полны, хлопают трепещущими занавесями и выдыхают ароматами жареного мяса, тушеных овощей и кальмаров, фаршированных, пузатых, трепещущих еще похожими на резиновых змеек щупальцами, и рыб запеченных, и главное, топорчатся перья и плавники подгорающей, словно живой на длинной жаровне, махи-махи, осеняя своим ароматом, словно благодатью матушки Кэннон, не забывшей еще мальчишку, бегавшего к ней молиться каждое утро лет десять назад перед школой, оставляя записки под дверью священного зайца, а уж он донесет до матушки... Вот нашелся, дурак... Нет, уже налетела толпа, бегущая наперерез по переходу, некстати зажегшемуся, смеющаяся, строгая, мрачная, искрящаяся предвкушением вечера, обдающая утренними духами...

– Для тебя главное, что они хорошо платят.

– Что ты имеешь в виду?

Скорей-скорей, бежать, не глядя по сторонам, поскользываясь на каблуках, разбрызгивая воду, струящуюся под ногами, и пусть зонт ломается и выпадает из рук. Вот новый, в аптеке у входа, отдаешь за него торопливо, заливаемый за шиворот ливнем, триста иен, знаешь, что одноразовый, но хватаешь, тебя берут под руку, чтоб не уплыл, а ты уже укрываешься, словно под колпаком. Прямо перед тобой выгружают коробки и ящики в обувной, сзади уже открылся электронный развал, и девушки призывно кричат тебе, но ты бежишь дальше, его ведут, как ребенка, хотя парень знает, что и не показался бы нынче на улице, промокнув насквозь, в ботинках, словно в болоте, хлопает гнилая вода, а ведь знал, что будет промозглый ливень, но надо успеть.

– Не, они не кидают. Все оплачивают, хватит на месяц, чтобы жить, не считая расходов. Ты ведь это хотел? На долгий заказ не рассчитывай, но стабильность все-таки обсуждается.

– Будет контракт?

– Разумеется. Еще те бюрократы.

– А платят как? В смысле, прилично?

– Хорошо. Но ухо держал бы остро.

– А если им не понравится?

– Слушай, ты маленький? Ты работу в жизни уже искал или нет? Или ты реально хики-комори, как мне говорили?

Иши потряс головой, отгоняя позорное слово, словно несносного комара. Он плохо помнил вчерашнее. Позвонили внезапно, когда он спал. Киичи вспомнил о нем после летучки у главного, озабоченного заданием, спущенным сверху внезапно, словно у тех, что сидят в небоскребе в Синдзюку, которых никто из простых смертных не видел и видеть не может, а время для них, небожителей, бодхисатв бизнеса, давно уж свернулось в свиток и исчезло в матрице, на которой толстым отчетливым шрифтом обозначен был их успех. Он забыл, когда сам там побывал впервые, месяца три назад, но она даже не посмотрели работы, которые он так бережливо нес всю дорогу с собой. Тогда их художник еще был на месте, хотя и ныл, что уходит, и зашивается, и дома болеет дочь, но они не хотели его отпускать, словно капризные работодатели. Неделью назад он попал под машину – Иши даже подумал, что тот сделал нарочно, художник сам позвонил ему из больницы, где валялся со сломанными ногами и обрадовал тем, что назвал им его фамилию как преемника. Но про него все равно не вспомнили, если бы не Киичи. Теперь на шестнадцатом этаже срочно потребовали забить тему номера фирменной иллюстрацией. Набор иных кандидатов по мановению божества отсеялся сам собой. Киичи набрал его телефон, и он согласился. Мечась по квартире посреди полного бардака, он вспоминал, как Киичи уже пару раз его выручал большими заказами для изданий, выходивших потом пару месяцев и умиравших, словно весенние первоцветы, пробившиеся из-под снега и не устоявшие под солнцем рыночной конкуренции. Ах, как жаль было потраченных зря усилий, но Киичи не унывал, и этот безудержный оптимизм внушал ему радость в баре, где исчезал один за другим его гонорар.

Все-таки он позорно и стыдно опаздывал и сейчас, как первокурсник с невыполненным заданием, с трудом подобрав пиджак, свитер и джинсы к стильным белым ботинкам. Как настоящий художник, он думал, что обувь в человеке ценится больше всего. Другим такое пристрастие кажется странным, но странным считал его каждый, кроме Кейко, уж они-то, когда появлялись вдвоем, подходили друг другу больше всего на свете. Впрочем, в свои двадцать пять Иши по-прежнему считал себя одиноким и замкнутым, с длинными сальными волосами, жившим сколько лет в старом доме на Синагаве, в тени новенького, построенного лет шесть назад отеля. Тут даже протесты в свое время были, какие-то беспокойные люди перевозбудились и полезли с петициями против застройки исторических мест, но городские власти уломали строительную компанию, чтобы она построила людям спортивный зал и трек для подростков, и разбила газоны, и на том успокоилось. Там ты живешь в крошечной клетке, по недоразумению названной кем-то квартирой, а уж что касается обуви, то эту мелкую особенность в ее забитых вещами пространствах можно просто не замечать. Сегодня ты мчишься навстречу своей судьбе, Иши Мегуро. Ты больше не будешь рисовать дурацкую мангу для самого себя. Эта эпоха закончилась.

Он выскакивает с приятелем под дождем из такси где-то на пандусе универмага «Одакю», бежишь, обливаемый небесами, чувствуя, как намокают носки, оглядываешься на витрины с модными брендами, за которым сияют пустые в утренний час торговые залы, скорей туда, где за стеклянными вертящимися дверями вас уже ждут...

– Ну, что? – спрашивает с ходу Киичи, когда они оба вошли в стеклянную дверь приемной главного, чей кабинет от всего остального мира отделяла матовая, молочного непроницаемого цвета стена.

– Буйствует, – вздохнула им в ответ секретарша в очках, анимешная девочка с косичками, скучающая за широкоэкранным компьютером.

– Ясно, – Киичи кивнул ей на всякий случай и довольно бесцеремонно направился к огромной двери в начальственный кабинет, толкая в спину Иши Мегуро, перед собой, словно заранее демонстрируя начальству его нерешительность и покорность. – Хорошо, что не убивает. Иду к нему со спасением.

Иши вдруг понял, что Киичи не открыл ему главного, того, кто будет его принимать... Поздно. Он открыл Иши дверь, поддавшуюся не сразу, и оба прошли в широченное помещение с окном во всю стену, за которым открывался тот самый редкий вид на Мейдзи-дори и Омоте-сандо с двадцать девятого этажа, от которого дух захватывает, словно улица ни с того ни с сего обрывается под ногами, проваливаясь в стеклянную пропасть. Тучи висели низко, проливая город дождем, и все в ногах главного, взиравшего сверху, как бог, тонуло в тумане. Из клубившихся за окном свинцовых облаков торчали верхушки соседних башен, словно затопленные водой. Потрясенный открывшимся видом утонувшего в сырости города, в котором не было места людям, он замер, не заметив даже хозяина, толстого маленького человечка с выпученными глазами и густыми бровями, которые можно расчесывать. Он словно вращался на тонких коротеньких ножках вокруг своего стола, размером не меньше футбольного поля, как будто кресло на колесиках было продолжением его короткого тела, вырастая у него из спины и расщепляясь каким-то образом на множестве мелких металлических ножек-спиц, точно у паука. Возможно, это лишь особое видение художника, преломляющего в перевернутом свете открывающуюся ему подлинную картину вещей, но рядом с ним немедля возникший Киичи уже кланялся главному, главный кланялся ему, и оба кланялись и кланялись, улыбаясь нервно и вяло, и он все стоял, как чурбан, пока его не пихнули сзади коленом. Тогда он им ответил взаимностью и улыбнулся мило и непринужденно, как только умел перед незнакомыми боссами и мафиози, черт бы их обоих побрал.

– Приволок героя, – кивнул в его сторону со смехом Киичи, словно в кабинете старого друга почти завсегдаем, видевшим и не такие brutальные сцены тут, впрочем, дядя у него известный адвокат, а отец жены, член парламента, ну да, депутат, дерется со всеми, но что с него взять, не журналист, не писатель, словом, не интеллеktуал на фрилансе. – Что скажешь?

– Доверия не внушает, – покачал головой главный, почесывая карандашом в лысом затылке, похожем на задницу, оценивая внешний вид, и под его взглядом удава Иши тотчас со стыдом ощутил себя маленьким мальчиком, у которого будто нарочно развязались шнурки, и свитер задрался на тощей откляченной попке, а он не заметил конфуза. – хотя... манга его мне понравилась...

Тут главный небрежно показал карандашом в руке на пачку журналов манги, валявшуюся в углу на столе. Бросив на их мельком взгляд, Иши, конечно, узнал обложки тех выпусков прошлогодних, где была его повесть о младшем брате, которую он даже родителям постеснялся показать. Не самый тиражный журнал, да и отзывы были подобны холодному душу, хотя и бодрили. Уже то хорошо, что лысый над ним не смеялся. Ладно, послушаем дальше, он-то наверняка согласился увидеть Иши, познакомившись с ним по этим журналам.

– Сюжет мне понравился, рисует неплохо, – почему-то говорил он об Иши в третьем лице, будто его не было рядом. – Главное, что он – не маститый! С маститыми просто беда: и денег возьмут, и заporют, и по сусалам не надавать!

Ну, я же говорил, пнул его сзади опять незаметно Киичи, стараясь вывести из ступора хоть немного. Уязвленный едкими замечаниями, он протянул главному заветную папку с работами на бумаге ваши, которая всегда наготове для таких судьбоносных случаев. Края ее предательски отмокли под буйным весенним дождем, словно сразу делая из него позорного неудачника, он подал ее толстяку, словно слуга подает господину пережаренную рыбу на подносе, обложенном зеленью, наивно надеясь, что тот в подпитии ничего не заметит. Робея, протянул ему и визитку обеими руками, недавно нарисованную на досуге и напечатанную в типографии в соседнем квартале, куда занес ее, опасаясь преждевременного признания. Поймал себя на предательской мысли, будто протягивал в его грязные лапы самое сокровенное, в котором черпал прежде гордость и самомнение. Тот взял ее в руки опасливо, словно змею, отложил в сторону, что показалось роковым несчастному Иши, но за отмокшую папку вдруг ухватился, коротко пролистнув и даже не вникнув в изображенное там, и отдал с улыбкой.

– Нормально. Неплохо. Легкий абсурд. А это что? Сказка? Драконы. Голуби. Змеи. Палай листва. Хорошо. Ладно, мне нравится стиль. Пусть работает. Видишь, – поднял он на него прищуренные глаза, – мы не кусаемся.

Мгновенный обрыв в животе, Иши полетел вниз.

– Дело не очень трудное, как кажется на первый взгляд, – вздыхает главный, прохаживаясь по кабинету, сложив руки на большом животе. – Кое-кто мне в редакции говорил уже про тебя, – тут он то ли напомнил про задавленного предшественника, то ли косился уже на Киичи, словно дзидзо на кладбище, и тот смущенно улыбнулся в ответ про себя, словно колдун при виде изумления простодушной толпы. – Пока мы забраковали восемь других претендентов, но ты о них даже не думай, рисуй, как умеешь. Мне это надо показать директору Ономадзу, он отнесет твою мазню директору Онесиба, она покажет это гендиректору Исибаси, а решение примет наш босс Ногоме. Извини, у нас бюрократия. До завтра сможешь успеть?

Иши кивнул, стараясь держаться на высоте, чтобы в нем не заподозрили хикикомори, хотя с каждым движением нога предательски хлюпала в намокшем ботинке. Он уже понял все, но виду не подавал: перед ним, действительно, стоял дзидзо. Как он сразу не догадался, хотя тот с первого взгляда на него был уже так похож...

Речь зашла о теме ближайшего номера, статье, написанной по просьбе одного из издателей. Главный, не вдаваясь в подробности и не называя имен заказчиков сверху, пояснил, параллельно листая верстку, что она должна стать скрытой рекламой медицинского бизнеса сам-понимаешь-кого (Киичи кивнул, но непосвященный в тонкости новичок лишь улыбнулся), его лекарственной фирмы, но тебя эти подробности не должны волновать, тебе надо сделать все дело к утру. В самой статье сумбурно излагались разные популярные теории сна, и способы их коррекции, от лекарственных до гипнотических, в которых Иши, разумеется, не разбирал ни черта. Главный все говорил и говорил ему что-то неинтересное про секреты смерти во сне, секса во сне, снохождения, ночных кошмарах и много чего другого, и заказчик статьи наверху неожиданно пожелал, чтобы главная иллюстрация к его статье о кошмарах была бы настолько страшная, что пробирала до самых костей.

– Страшная? То есть квайдан? Вы любите ужасы? – растерянно переспросил он, в надежде, что не ослышался.

– Страшная до истерики, вот чего мы хотим, – внимательно посмотрел на него человек-дзидзо, пуча глаза, словно учитель в школе на нерадивого ученика-старшеклассника, позабывшего все на экзамене.

– Ты забыл, как твой дядя Масаси выпрыгнул из окна и разбился головой об асфальт? – как бы невзначай сказал за спиной Киичи и толкнул его в бок. – А какая-то тетка не-помню-ее-дурацкого-деревенского-имени попала на переходе под поезд. И ее собирали тогда по кускам... Ты же рассказывал в классе по время занятий по ораторскому искусству, чтобы поразить публику...

Он начал судорожно вспоминать, но ничего, кроме кровавых простыней, расстеленных на асфальте, не вспомнил, и затряс головой. Ей-богу, не до того.

– О деньгах можешь не волноваться, – понял его жесты превратно дзидзообразный без пояснений и на листке бумаги написал тут же цифру с большими нулями, и молча повернул страничку к нему. – Согласен? Или работаешь за еду?

Он кивнул молча, отметив вдруг про себя, что о самом главном тут вслух отказывались говорить. Дождь за окном усиливался, размывая изображение на стекле до ползущих алых огней, и он начинаешь невольно думать, как придется бежать до дома в своих размокших ботинках. Киичи ощутил на себе его тоскующий взгляд и расхохотался.

– Считай это главным экзаменом, – произнес он, поглядывая на дзидзоподобного, снова паучком вертевшегося в своем кресле. – Примут, подпишешь контракт, и считай себя почти в штате.

Дзидзо-босс кивнул в согласии, и молча показал глазами на выход. Аудиенция кончилась.

3. Синдзи

Твой дедушка говорил: гвоздь, который торчит, забьют первым. Он хорошо знал, о чем речь, хотя от дома его семьи уже давно не осталось камня на камне. Из всего, что ты еще помнишь о нем, сохранились лишь его стариковские путанные рассказы о последней войне на Филиппинах. Он провел там три года, до самого окончания, до той стыдной капитуляции, когда уже невозможно было сдерживать американцев, обрушивших на Манилу тысячи бомб. Он любил этот город, почти нетронутый в самом начале войны, красивый, даже блестящий в колониальных кварталах с их старинными в испанском стиле домами вдоль улиц, и уютными, с прохладой дворов особняками в Интрамуресе, по улочкам которого он любил прогуливаться по утрам и где снимал крохотную комнатку, живя отдельно, как офицер. С древних, поросших зеленым и красным мхом, с купами пышно цветущих кустов в трещинах стен Интрамуроса, широких настолько, что по ним спокойно могли бы разъехаться автомобили, он смотрел на забитую деревянными лодками мутную гнилую реку, уже тогда пропахшую гнильем и отбросами, но все же несравнимо чистую в отличие от сегодняшнего, как говори, ее состояния, на огромный залив, седой в знойном мареве, на рейде которого в любой день стояли десятки судов, сидел вечерами в кафе, где еще умели варить настоящее кофе, словно в Мадриде или Париже, стараясь угодить японским начальникам. И несколько не удивлялся, когда мимо по булыжной мостовой проезжал какой-нибудь старый кабриолет, из которого выглядывала летняя шляпа с вуалью. Дедушка ничего не рассказывал о своих любовных приключениях, словно не хотел, чтобы внуки когда-то услышали вдруг, что у них могут быть родственники на Филиппинах, хотя ты догадываешься, что так и было. Он чувствовал себя там настоящим аристократом, человеком из Гиндзы, сошедшим к аборигенам в трущобе мира, и это чувство доставляло ему удовольствие. В разгар жары, окутывавшей остров в июне, они уезжали в горы компанией сослуживцев и купались в огромном озере, оставшемся на месте вулкана, и отдыхали в местных деревнях. Он вспоминал небольшие храмы, разбросанные повсюду, местные собирались там чуть ли не каждый вечер, поскольку у католиков почти каждый день считался каким-то праздником в честь святого. Он слушал их нестройное пение, совсем непохожее на молитвы наших священников. Он смотрел на лицо, склоненное к нему в каждом храме, всюду одно и то же, Дева Мария с ребенком в синей накидке в руках, но он уже ее видел дома, но не в христианских церквях. Она была столь привычна и естественна в своей простоте, что он без труда узнавал в ней матушку Кэннон, приспособленную европейцами для нужд маленьких филиппинцев. Он заходил в их церкви, темные, с узкими окнами, не знавшие полного света, и подолгу стоял перед ней, не произнося ни молитвы, ни песен, и даже мысли тогда не текли в его голове, словно исчезнув под взглядом неподвижных мраморных глаз.

Когда он вернулся из плена, разумеется, все уже было кончено. Дома на Окинаве не существовало, как и родителей, все, что еще оставалось у них, погибло в огне. Кто-то из знакомых в послевоенной администрации помог ему устроиться в министерство, рекомендовав там, как опытного инженера, но из всех предложенных ему назначений он предпочел перебраться на службу чиновником почты в Кобе, и так там и остался. Ночами он бредил, и бабушка будила его, когда его вопли делались невыносимыми. Так что твой отец знал о войне из его сонных криков больше, чем дедушка мог рассказать. Ты помнишь, как он еще приезжал к вам в Токио по выходным, седой и сутулый, словно большой таракан, по праздникам, на дни рождения твой и младшего брата, и сидя за столом, долго и мучительно развязывал туго перетянутый узел дорожного платка фурсики трясущимися руками, откуда вместе со сладостями доставал старые потрепанные альбомы с военными фотографиями, рассказывая и рассказывая.

Ты жил в одной комнате со старшим братом. Помнится, тебя раздражало, что приходилось делить одну комнату с старшеньким, которого все любили, но от него тебе не было ника-

кого покоя. Сперва у него случались и снохождения, и дизурия, потом начались поллюции, и он будил тебя среди сна, наступая в темноте на футон, спотыкаясь о твои ноги и носясь по комнате с закрытыми глазами, держа в руках торчащий набухший член, словно не понимая, что это такое выросло вдруг у него в теле. Он казался тебе героем рисунков сюнга, носившимся со своим членом, который вечно выскакивал из фундоси, никак там не умещаясь, но стоило тебе намекнуть Иши на это, как ты был немедленно бит. Так повторялось из ночи в ночь, и ты приходил утром в класс, не выспавшись, дремал на уроках, и ждал, молясь всем богам, с тоской ожидая, когда все закончится, и он станет взрослым.

Дедушка всегда говорил, что происходит из старой самурайской семьи, как, впрочем, и бабушка, но ты давно перестал ему верить. Не было никаких фотографий, не было бумаг, что могли подтвердить это, никаких его документов не уцелело с войны, а жизнь потом повернулась так, что это и вовсе стало неважно. Хотя бабушка собирала старые вещи, вспоминая по крохотным крупичкам то, что касалось ее прежней жизни, ты им обоим не очень-то верил. С тех пор, как с ним стали происходить странности, ты начал все больше подозревать, что он придумывал свою жизнь на ходу и сочинял, когда ты слушал в детстве его за обедом или на рыбной ловле, куда он таскал тебя в наивной надежде, что тебе это понравится. Ты-то догадывался, что он был уже тогда одинок, еще до смерти бабушки, которая перед этим ослепла и совсем перестала за ним ухаживать. Ему приходилось заботиться о ней самому, к чему он не мог привыкнуть, и вовсе не ожидал, что это станет его участью на старости лет. Потом она умерла, и дедушка перестал бриться и стричься, отпустил бороду, и соседские дети прибегали глазеть на него из-за заборчика, потому что никогда еще не видели стариков с такой седой и длинной, словно лисий хвост, бородой.

Его с самого детства мучила зависть, что старшенького, сексуального маньяка, тоже звали Иши Мегуро, как дедушку. Впрочем, старику даже льстила такая честь. Он мастерски ловил карпа с противным губастым ртом, вытягивавшимся на манер иероглифа, в шутку рассказывая потом, что приманивал его бородой, опуская ее в воду. Ты стоял среди толпы ребятишек, которая пялилась на старика, опасаясь его дразнить, но ничуть не боялась. Дедушка любил ловить карпов под Рождество, приговаривая тебе, что наш Санта, Сегацу-сан, Господин Январь, любит свежую рыбу. Для него «Господин Январь» был вполне живым и бодрым, как и он сам, причем дед, будучи в разуме, на полном серьезе говаривал, что Иши сыграл бы Одзи-сана на пару с ним, но Иши его побаивался, завидев в зеленом халате остроконечной шляпе со звездами, шествующего прямо через сугробы с посохом и граблями. Мама смеялась и говорила, что дедушка всего лишь идет разгрести снег, чтобы выехать на машине, но ты ей не верил и хохотал. В халате с граблями в руке он и впрямь был Сегацу-саном, и никакими усилиями тебя невозможно было разубедить. И тогда вместо Иши Одзи-сана для дедушки стал играть ты. Вот тогда-то все и случилось...

Как настоящий Сегацу-сан, дедушка обожал есть рыбу. Ты, совсем еще маленький, точно как Озди-сан, гордо тащил домой перед ним прозрачную банку с бившимися в ней карпиками, она была тяжелая, карпы внутри скакали, толстые, как поросята, ты боялся ее расплескать, но выглядел очень довольным. На кухне дедушка в тот день хозяйничал сам, ты боялся вытаскивать карпов руками, они были живыми, и один раз, когда ты попробовал это сделать, искушали тебя.

Когда карпов повсеместно перестали готовить во дворах на жаровнях и перешли на замороженную рыбу из универсама, дедушка понял, что прошлого не вернуть. Он совсем сгорбился и, еле перебирая ногами, под снегом, ходил на реку один, и сидел там в пуховике и теплых сапогах с удилищем, словно нахохленный на морозе филин с густыми бровями. Его вечные рассказы, вроде сказочных «мукати-мукати», то есть давным-давно, исчезли сами собой, словно прошлое перестало для него существовать, а настоящее так и не наступило, и он завис между временами в пустоте своего «дао». Ты пошел уже в школу и тоже со всеми стал называть его

Сегацу-сан, «Господин Новый год». Он был тому очень рад, и тогда сам устраивал во дворе елку, вешал гирлянды, ловил рыбу и таскал с собой Синдзи, вошедшего в роль Одзи-сана по-настоящему. Потом их обоих приглашали в соседские дома дарить детям подарки. Все забыли о том, кем прежде он был, и почему-то считали старика вечным. Пока не случилось ЭТО.

Вообще-то ты совсем не любил праздники, особенно Новый год. Мать с утра до вечера готовит на кухне, потом все садятся, долго едят, так как надо отведать все, потом со своими блюдами приходят соседи, потом к соседям идете вы, собираетесь вместе в огромном доме, где все только едят, едят, и едят. Дедушка говорил, что раньше они ели во дворе, ставили столы целой улицей, но ты не хотел это слушать. Тебя это так вымораживало, что ты нарочно сбегал из дома и прятался в старой музыкальной студии у друзей. Там ты впервые увидел, что такое секс...

– Это все потому, что у твоей матери критические дни, – говорит тебе Юя, когда вы сидите вдвоем в забегаловке возле вокзала на Ебису, северный выход напротив, и пьете пиво, рядом шипит и жарится на масле говядина тонкими ломтиками на жаровне, и вы ждете, когда ее подадут прямо на стол на огне. Он прерывает воспоминания на самом сладком. Что говорить, приятно, когда обслуживают тебя, уже поставили мисо и собу, но вы по-настоящему еще не притронулись к ним и ждете Громилу, а он не спешит. – Они все тогда начинают беситься и выливают тебе на голову все, что думают.

– Кто они? – не можешь понять ты, отпивая из банки.

– Ну, женщины, разумеется? Все они таковы. Сразу видно, что ты не жил с женщиной.

Юя умеет уколоть. Маленький, щуплый, вечно пританцовывающий, хорошо играет на басах и ударнике, его можно увидеть даже в Сибуе по вечерам, когда с ребятами он приезжает туда играть на улице, больше выпендривается, чем реально умеет петь. Ты готов взвиться от возмущения, ведь ты же однажды даже сосался с соседской девчонкой, Миу, хотя все почему-то ее звали Тадаши, об этом ходили слухи, и ты их сам распространял, хотя поначалу было ужасно стыдно. Впрочем, он подкалывает тебя, вовсе не это имея в виду сейчас.

– А ты жил, что ли? – спрашиваешь ты его, хорошо помня, что Юя хоть и учится в университете, но так скверно, что, похоже, его собираются отчислить после первого курса.

– Три месяца, – кивает он головой и отправляет ложку супа в рот. – Ох, и натерпелся же я! Никогда больше не стану!

– Это ты сейчас говоришь, – с завистью отвечаешь ты, перед тем, как надеть наушники и включить Леди Гагу, слушать его больше не хочется.

– Ну, ладно уж, так и быть, лет пять еще подожду. Такая тоска, – закатывает он глаза. – Одно удовольствие в браке в том, что ты можешь трахаться сколько угодно, но не каждый день и не в этот ее проклятый кризис. Поэтому мой отец не любит брать в фирму женщин на высокие должности. Всякий раз то у одной критические дни, то у другой, а в результате непрерывный кризис у всего офиса.

Ты включаешь в наушниках музыку, тебе наплевать на Юя и его болтовню, ты даже не помнишь, когда это он жил с какой-то мифической женщиной, может, только во сне, ты пьешь пиво, ешь мисо, наконец, шкворчащую и стреляющую маслом и соком говядину с луком подают прямо на стол, и вы вдвоем вгрызаетесь в нее, словно голодные волки, растаскивая на куски. Они проваливаются в желудок, наполняя тело своей благодатью. Ты краснеешь и расплываешься на жестком высоком сиденье, уже по-другому разглядывая проходящих мимо, закутанных в плащи в этот холодный вечер прохожих, заглядывающих изредка за бамбуковую занавесь на дверях и скользящих глазами по лицам вас обоих, еще мальчишек. Бамбуковые струнки занавеси разлетаются в стороны, словно брызги воды, в дверях появляется кряжистая и гороподобная фигура, волосы заплетены сзади в косичку, лицо напыщенно и одутловато, как у монаха на похоронах, внезапная ярость, фигура хватается сразу за шеи, словно собираясь

переломить их одними пальцами, пригибает к столу и сама плюхается рядом, сотрясая весь стол, так что с него посуда чуть не сыпется на пол.

– Эй, мне два рамена, двойную порцию, слышишь, именно мне, – зычно кричит он через весь зал мальчишке-официанту, не рискувшему подойти.

Хидеки по кличке Громила-кун, ездит только на мотоцикле, год назад «Хонда», сейчас «Кавасаки», кажется, куртка с эмблемой той же фирмы, и мы смеемся над ним за глаза. Он старше тебя и уже работает начальником какой-то мелкой мастерской у дяди где-то в Симбаси под эстакадой, но ты туда не показывался. Он уже нагло берет руками кусок мяса прямо с жаровни перед тобой, и обжигая язык, отправляет тотчас в рот, крякая и облизываясь.

– Ведь ты не оставишь голодным друга, Синдзи, разорви тебя бес, – говорит он, словно само собой разумеющееся. – Ведь ты накормишь меня и оплатишь обед, не так ли?

Ты киваешь.

– Достал? – спрашиваешь лишь в ответ его жирную, круглую, лоснящуюся физиономию.

– Разве я обманул хоть раз тебя, Синдзи-кун? – он смотрит на тебя, как удав, впрочем, он тоже имеет на это право, ведь ты неудачник, а он нет.

– В школе сто раз, Громила-кун, – говоришь ты, и сердце проваливается у тебя в пятки от выплюнутой ему в лицо правды.

– Что? Как ты меня назвал?! – он хохочет. – Меня зовут Хидеки, Хидеки-кун, понял, ты, неудачник?!

– Прости. Я не знал, что ты толстый такой, – говоришь ты почти невзначай, хотя хотел сказать «важный», но слово уже вылетело как воробей, и давай скакать по столу. Он багровеет еще сильнее, для него это страшное оскорбление, просто настоящая дискриминация. Впрочем, это же им внушали в школе с первого класса.

– Что ты сказал, неудачник? Повтори, я замочу тебя прямо тут! – он начинает буйствовать, тарелки, которые ему принесли, сдвигает в сторону, не глядя, упадут они или нет. Мисо разливается по столу, и он попадает в коричневую лужицу локтем, и тотчас вытирает его о штаны.

– Громила, да перестань, все знают, что ты не слабак! – откашливаясь, морщится Юя. – Или ты не хочешь, чтобы мы оплатили тебе подержанное дерьмо?!

– Сам ты дерьмо! – рывкает Громила так, что за соседними столиками начинают оборачиваться на вас. – Знаешь что... Порублю-ка я тебя сейчас и сделаю суши, тогда поговоришь у меня...

– Триста тысяч, – коротко говоришь ты, прекращая ненужный спор, и выкладываешь перед ним конверт с деньгами на стол.

Спор прекращается. Громила-кун смотрит на конверт заморожено, точно там спрятано заклинание, лишаящее его жизни, и первый кто схватит его и прочтет, заберет добытое им бесплатно. Громила плюхает на стол пакет с товаром, точно это какой-то мешок с солью или углем, а не драгоценность почище золота, и тянется за конвертом. Ты набираешься наглости и хлопаешь его по жирной руке, когда она уже почти дотянулась до денег.

– Небось, спер у родителей? В полицию не сообщат? – он осекается, словно его внезапно ткнули в бок чем-то острым, и смотрит то на тебя, то на Юя, словно на червяка, но Юя сын адвоката, и ему плевать на вопли Громилы. – Может, там меченые купюры и меня загребут?

– Не твои трудности. Деньги почти твои, Громила. Давай, покажи товар, как условились, или мы расстаемся, – говоришь ты, набравшись смелости, вперившись в его сузившиеся от гнева глаза будущего бандита.

– Твою мать, – брызжет он слюной и выдергивает руку.

Ты сидишь молча и думаешь, что со стороны могут решить, будто вы покупаете наркоту, травку, кислоту или даже соли. За спиной ходят люди, кто-то несет тарелки, слышатся голоса,

ты понимаешь, что среди них кто-то уже записывает ваш разговор, чтобы потом вас взяли где-нибудь ночью, выследив место сбора.

– Тогда уходим отсюда, – говоришь вдруг ты и машешь рукой за счетом.

Юя сползает со стула. Несмело оглядывается. Ты ты тоже. Ты знаешь не хуже его, что добытое Громилой нужно тебе позарез. Нежелание пресмыкаться перед ублюдком заставляет дать тебя задний ход, но внезапно Громила пугается и бледнеет у тебя на глазах. Потом плюхает на стол перед тобой объемистый черный пакет и наклоняется над тобой.

– Ты хочешь сказать, я говнюк? – дрожат его губы, растянутые, как сосиски. – И зажилю товар?! Знаешь, чего это мне стоило, маленький скользкий червь?!

Вы начинаете озирается, делая вид, что собираете вещи. Играете на его нервах. Громила смолкает, ощущая всеми подмышками, что пахнет жареным, что торг до добра не доведет, но, не видя опасности, не может сосредоточиться и оттого лишь похрустывает кулаками, словно этим можно их напугать.

За окном проезжает автобус. В тот же самый момент свет в зале начинает мигать, а ты все смотришь на Громилу, нависающему над тобой, словно официант, ждущий платы по чеку. Черт, опять началось!

– Скорее, – хватает тебя за рукав Юя и первым бросается наутек, словно зверь, что чувствует катастрофу еще до начала толчков.

Ты толкаешь Громилу и бежишь вслед за ним, официант, парень с длинными волосами, отвернувшись от кассы, застывает с горсткой монет. В последний миг твоя рука хватается пакет Громилы, тебе уже все равно, что он сделает, деньги уже у него, и пусть после не заикается, что мы его обманули. Вы вылетаете из дверей, электричество гаснет уже навсегда, и под ногами проходит вибрация, словно глубоко под землей пронесся огромный червь. Сверху что-то сыпется, падает штукатурка перед тобой на асфальт, дребезжат стекла, но вы оба уже далеко. Только теперь ты замечаешь, что и сумка, которую пронес на себе Громила, уже на плече у Юя. Ты смотришь на Юя недоуменно, словно он сделал недопустимое даже в тот миг, когда началось очередное землетрясение. Толпа вылетает с воплями из дверей ресторанчика позади, напротив такая же давка в ночной темноте клубится на выходе из универмага. Где-то наверху слышны хлопки бьющегося стекла и звон летящих осколков. Юя хватается за руку и тащит дальше по мостовой мимо вихляющих от неожиданности машин подальше от зданий. Земля замирает, вибрация кончилась, но сделанного уже не вернешь. Трещин в асфальте в темноте не видно, но они наверняка есть. Фонари вокруг неожиданно гаснут, не выдержав шока после пронесшегося землетрясения. И вы делаетесь невидимыми в темноте.

4. Иши

Дождь продолжал лить как из ведра, делая улицу за широким окном почти что непроходимой.

Иши повернулся, устав глядеть на экран компьютера, отливавшего синевой рабочего поля, вздохнул, открыл еще одну банку пива и машинально пошел смотреть на барабанивший дождь, смывавший с окна отпечатки пыли и мушиных какашек. Он понимал, что ему не везет, что ничего не рождается просто так, от одного волевого усилия, что заставив с утра себя просидеть за компом и перелистать кучу файлов в надежде наткнуться на ассоциации, он ничего не добился. В голове зашумело, он выпил пиво одним глотком и швырнул банку в корзину к другим под столом, и они загремели, как колокольчики на похоронах. Ему показалось, что это были колокольчики неприкаянных духов, водившихся в этих краях когда-то, поскольку ему говорили, что прежде этот район до расчистки под стройку занимали болота, и эти души, скорее всего, веками тут жили, надеясь, что их не будет тревожить ни ад, ни рай. Но их обиталище стерли с лица земли, и теперь они ютились в бетонных подвалах и бродили по этажам скучных каменных зданий в надежде, что их хоть кто-то заметит и почтит приношением. Иши надеялся, что миазмы этого места помогут родить хоть что-то его голове, отнюдь не голове Зевса, конечно, но она не была даже головой петуха, потому что мысли упорно прятались от него, зазывавшего призраков. Всплывала полная околесица, он вынужден был признаться себе, стирая неестественно вытянутые, скорее смешные, чем страшные физиономии и с тоской понимая, что все-таки он неудачник.

Он еще вглядывался в висевшую плотным занавесом пелену дождя, когда позвонила Кейко. Услышав голос ее, Иши взглянул на часы с зайцами, висевшие на противоположной стене, и удивился, когда услышал, что она возвращается. Впрочем, у него все равно ничего не родится сегодня, подумал, так хоть не зря время потратим, потрахаемся. Иши сладко вздохнул, предвкушая неожиданное удовольствие, но тотчас его взгляд упал на экран компьютера, предательски мерцавший перед диваном, и словно дразнивший его бесплодностью, и он отвернулся в дождь.

– Хорошо, я приеду, – сказала она обычным своим тонким голосом мультяшной девчонки, за который ее часто дразнили в школе и университете, а Иши уже тогда, слушая доклады Кейко на лекциях, тайно ее обожал. – Тебе чего привезти?

– Все есть, – ответил он, глядя на корзину с пивными банками под столом, ему отчего-то немедленно захотелось чересчур остро пойти в туалет, но он удержался. – Хотя... привези конфеты из той самой кондитерской. Ты знаешь, какие. С зайцами.

– Вот еще, – сказала она, как ему показалось, сердито. – Ненавижу конфеты...

– Поэтому и хочу, – произнес машинально он. – А еще больше хочу тебя.

– Похоже на правду, – сказала Кейко и отключилась.

Он посмотрел на отрубившийся в его руке телефон и сам не понял того, что это было сейчас, и что он ей говорил, безнадежно импровизируя.

Надо было выбросить банки и навести в квартире хоть в какое-то подобие порядка, чтобы Кейко не морщилась и не пилила его потом в ночных разговорах. Она всегда, то есть самых первых дней знакомства, считала, что знает лучше всех, как должен вести себя Иши. Бывало, они шли в кафе, если ей не хотелось готовить дома, и она то и дело толкала его ногой под столом, когда Иши терял что-то с палочек на белоснежную скатерть или слишком громко жевал. Иши все равно любил эти походы за то, что не приходилось потом убираться и мыть посуду, горой возвышавшуюся на маленькой кухне, освобождалось время для секса и прочего удовольствия, которое он предвкушал каждый раз с ее новым звонком. Раскусив его душу, она сразу поставила себя главной в доме, а Иши не возражал. Иногда он ловил себя на догадке, что повто-

ряет путь, пройденный когда-то отцом с его матерью, но у того все еще случались приступы ярости, и он бунтовал, чем Иши похвастать не мог. Кейко как-то сразу завладела его душой, сломив всякую волю к сопротивлению, и Иши, в конце концов, понял, что так ему будет проще. К тому же, подчиненное положение несло немалые выгоды, ему не надо было больше думать и отвлекаться на бытовые и финансовые проблемы, ссоры с соседями, социальной службой и какими-то банковскими разборками вокруг кредитов, Кейко вела все дела так умело, что Иши уже забывал, когда заходил в такие конторы последний раз. Он знал, что дома его ждет почти что уже жена, что его накормят, развлекут разговорами, и даже подарят секс. Во время секса они не вылезали из ванной, перемещаясь то в душ, то снова заваливаясь в наполненную горячей водой емкость и помогая себе раскаленной струей из лейки для большего ощущения. Здесь она доминировала, как и во всем остальном. Ему приходилось подлаживаться под нее, ее капризы и следование определенным дням и часам, ее любимые позы, из которых она особенно любила позу наездницы. Он хотел большего, как привык раньше с девочками из колледжа, но побаивался ей возражать. Наездницей она оказалось страстной, и дико кричала в разгар соития, хватая его руками, Иши боялся, что соседи услышат ее безумные крики и будут смеяться над ними, но Кейко поставила в доме себя сразу так, что вряд ли кто-то осмелился бы ей сказать скабресную шутку.

Все стало неуволимо меняться полгода назад, когда он, хоть и считался лучшим дизайнером, ушел из журнала и перебивался случайными заработками. Кейко, работавшая дома, хотя у нее был свой офис, сперва терпела его присутствие в разгар рабочего дня, но потом начала раздражаться и срывалась по пустякам. Чувствуя это, Иши придумывал сам себе поводы и уходил из дома, болтаясь то по улицам, если погода благоприятствовала, то просиживая у приятелей, пока его вежливо не просили за дверь, то по каким-то барам и забегаловкам, торча там с ноутбуком. Он скоро понял, что Кейко раскусила его неловкую ложь, но боялся в этом признаться. Она казалась ему теперь настоящим оборотнем, о-инари, или тем осьминогом с картин Хokusая, сладостным и неистощимым на удовольствия, которая оплела его своими сексуальными чарами и понемногу пожирает сердце и душу, ожидая конца. Словно что-то лопнуло в их отношениях, а он не понимал, что. Ее дикий секс, о котором он никогда в жизни не слыхивал до знакомства с этой девчонкой, словно выученный ей еще в детстве где-нибудь в частных комнатах в Кабукичо за годы занятия «эндзё косай», увлечения, впрочем, как неотвратимого – все школьницы, в конце концов, делают это, за исключением самых глупых, – так и познавательного, пожалуй, и связывал их теперь больше всего. Иши давно с удивлением стал замечать, как его тянуло домой всякий раз, когда он только ощущал позывы и томление в гениталиях, даже среди белого дня. Потом произошло неожиданное. Неделю назад она вдруг переехала к больной матери в ее дом где-то за Аракавой – Иши там никогда не бывал и даже не собирался, – и он остался один, потерявшись в своем маленьком доме. Потом Киичи предложил ему эту работу, потом Иши позвонил Кейко, скучая по ее тонкому точеному телу, и она довольно прохладно, без энтузиазма, сказала, что так и быть, возвращается. И исчезла.

Он это понял, когда посмотрел на часы. Дождь лил со вчерашнего вечера, и не думал заканчиваться. Гора пустых банок под столом выросла, а Кейко исчезла, словно он последний раз говорил не с ней, а с каким-то роботом. Со времени того разговора прошло уже много часов, усвистевших в сумерки вечера, словно в черную дыру. Иши вдруг осознал эту странную, немыслимую для него потерю времени и удивился. Как будто он на мгновение закрыл глаза, стоя перед окном, а когда их тут же открыл, этих часов уже не было в его жизни. Дождь продолжался. Глядя в серое плотное пространство за окном, он видел лишь узкую улицу, тротуары, людей под прозрачным зонтиками, бегущими встречными перемещающимися потоками среди потоков дождя, и ему стало невыносимо тоскливо. Среди них могла быть и Кейко, но она словно забыла про обещание, а может, ее отвлекли неожиданно свалившиеся дела, и она решила, что Иши еще подождет. Он взял телефон и набрал ее номер. Автомат на этот раз

сработал быстро, и сразу после набора ответил ему, что абонент недоступен. Так повторилось несколько раз, за это время еще две банки пива полетели пустыми в корзину. Он понял, что напивается, а это, кроме всего прочего, означало, что секса не будет. Иши набрал номер Кейко, чтобы теперь уже самому отменить их свидание, а для убедительности потом сразу умотать куда-то в бар или на велосипеде, смутно себе представляя, сколько сумеет протопать под плотным дождем.

Автомат привычно ответил ему веселым девчачьим голосом, и Иши вырубил его на втором слове, зная, что Кейко ему не услышать. Из любопытства он стал просматривать список звонков, держась устало за стену и чувствуя, как его неудержимо клонит в сон. В голове сильно шумело, и только это спасло его от шокирующего удивления. Он говорил с Кейко последний раз не меньше семи часов назад, и по всем признакам, сейчас должен был наступить поздний вечер. С тех пор она и пропала, не выйдя больше на связь и ее обещание приехать исчезло само собой, сменившись тревогой и подозрительностью. Ему почудилось, что он говорил даже вовсе не с ней, вообразив себе нечто спяну, а теперь зря беспокоится. Сжираемый страхом, он поглядел еще раз данные своего последнего разговора, и по его продолжительности убедился, что он все-таки был, и это лишь повергло в недоумение.

Иши оторвался от стены, не зная, что делать, и чувствуя, что его шатает, так что он вряд ли пройдет далеко. Дождь кончился, но за окном стемнело и зажглись фонари, светились окна в соседних домах и красные маячки наверху небоскребов. Думать совсем не хотелось. Иши понял, что ноги его не слушаются, голова не работает, день потрачен впустую и улетел в никуда, а что там случилось с Кейко, выяснять не хотелось. Он набрал для успокоения ее номер еще один раз, прослушал сигнал автомата, и отшвырнул телефон. Проследил дугу, по которой тот отлетел за кровать, сам доплелся туда, хватаясь за стены, ощущая, что пол неудержимо надвигается на него, и повалился с тяжелым вздохом. Промятые подушки дивана приняли его тощее тело, накачанное сейчас пивом, словно губка морской водой. Распростершись на диване, он понял, что проваливается в сон. Бездарность, полная чушь и бездарность, подумал он, вспоминая напоследок про свой так и не выполненный заказ, и тут, сквозь пелену накатывавшей дремоты, на него надвинулось нечто, отчего волосы встали дыбом. Он увидел так явственно существо, стоявшее перед ним, что готов был поклясться, что оно существует на самом деле. Более страшного лица он никогда не видел ни в снах, ни в детских видениях. Оно поглощало его своим взглядом, топило в себе, словно в бездонной бочке, когда-то стоявшей у деда в саду, и просовывало свои членистые пальцы в грудь, пытаясь добраться до сердца. Иши задергался напоследок, будто надеясь даже в своем беспомощном состоянии отвратить ненадолго конец, но существо из сна, подступавшего неудержимо, было сильнее. Оно оплело его целиком щупальцами-руками, а потом раскрыло облезлый рот, оказавшийся невероятно огромным, точно у осьминога, и натянуло ему на голову, как носок. Тут здание закачалось само собой, и Иши полетел, кувыркаясь, в слепящую пустоту.

5. Синдзи

В каждом классе всегда была на подхвате пара отличников, на которых школа и выезжала на всяких олимпиадах, конкурсах и соревнованиях. Прочие считались обузой, только прожиравшими впустую народные деньги, но ради спокойствия в школе об этом старались молчать. На таких смотрели косо учителя, подзуживаемые сплетнями и расчетливыми выкладками в учительских и на своих секретных советах. Родителям намекали, что неплохо бы раскошелиться за своих никчемных детей, но до скандала не доходило. Тебе вообще повезло, как немногим, иметь гениального брата. Братец твой учился отлично и сглаживал недовольство, его приводили тебе в пример, корили и унижали, родители, пристыженные и молчащие, сидели в кабинете директора и слушали про твои хулиганские выходки, которыми ты пытался себе самому скрасить школьные будни. Выходки были невинны. Выключить свет учителю физики, сидящему в туалете, разбить школьный бонсай и засунуть осколки и землю в сумку старой химичке, написать на доске ругательство, подслушанное на рынке, пользуясь переменой – вот и все, на что ты был способен. Когда братец закончил школу, тебе стало совсем уж невмоготу. Ты перестал ходить на уроки в последнем классе, болтался с Громилой, был у него на побегушках и кое-чему научился в этой жизни, просиживая с ним в клубах в Сибую. Теперь ты был свободен и от него. Сегодня вечером вы с Юя поимели Громилу, своего последнего покровителя, которые припер вам то, о чем вы сговаривались по вечерам, тупо копаясь в справочниках и запретных сайтах. То, о чем мечтают многие из парней твоего круга, но не знают, как это добыть без огласки и насмешек товарищей, было теперь твоим. Если Громила тебя не надул, думаешь ты, держа увесистый сверток, надувал же он часто и всех, тебе ли не знать. Ладно, посмотрим...

Вы мчитесь с Юя в сторону порта. Шорох кроссовок по тротуарам летит за тобой, тихие тени одиноких ночных гуляк, ничего не ведавших о землетрясении, шарахаются в разные стороны. Напуганные случайным толчком, мчатся где-то сирены, народу не видно, все приходят в себя и уставились в телевизоры, вещающие и панике, возникающей теперь даже по пустякам. Сворачиваете в глухой переулок, где мигает аварийное освещение. Наверху, на эстакадах шоссе еще тревожно, но тут стоит тишина, и Юя хватает тебя за плечо, прижимая к стене. За углом пробегают ночные охранники, спеша проверить, не лезет ли кто на склад, пользуясь робким землетрясением, и вид двух парней со свертком огромным и рюкзаками может насторожить – что тут делают эти придурки в столь поздний час, уж не грабители ли?! Ты смотришь им вслед и думаешь, кто из них станет жертвой собственных страхов на этот раз.

Ты уже знаешь, что сейчас будет. Вам надо дождаться в условном месте Какаси и Сасукэ, двух братьев, – додумались же родители им дать столь популярные имена! – и Харо, девчонку из твоего класса. Именно ей во задуманном принадлежит главная роль, на которую она согласилась, удивив даже Юя, привыкшего ко всему. Ох, не девчачья же это работа, вздыхаешь ты, вспоминая о ее сиськах. Ты дрожишь при мысли о том, что там будет, но часы уже пущены, остановить невозможно, назад хода нет. Громила расскажет всем, поднимет вас на смех, если вы испугаетесь. Родители вас убьют, отвергнут, запретят выходить из дома, подвергнут еще худшим карам, но тебе уже все равно. Вопрос принципа, как говорил твой дедушка Сегацу-сан. Собирище неудачников, как скажет про тебя брат Иши, если узнает. Тебе наплевать. Главное – не опозориться перед девчонкой.

– Открывай, – говорит Юя, пытаюсь забрать сверток из твоих рук.

Ты и сам хочешь проверить, не надул и Громила вас, и начинаешь торопливо разрывать упаковку, бумагу, обмотанную скотчем, и пластиковые пакеты. Вдруг из одной дыры вываливается нечто длинное и гибкое, будто кошка, падает на асфальт, и тебе кажется в темноте, что еще извивается, как живая змея. Ты отскакиваешь, слышишь предательское звяканье пружек

и замков о мостовую. Юя изумленно поднимает в руке то, что успел ухватить в последний момент.

– Ты не ошибся? – спрашивает он еле слышно. – Это точно военная амуниция?

В свете ночных фонарей в руке его блестят мягкие пластиковые маски с огромными, словно у гигантских стрекоз, сетчатыми окулярами вместо глаз. Еще одна вываливает тебе под ноги из прорехи. Ты поднимаешь ее, она скользит у тебя между пальцами как живая, и снова падает на асфальт.

– Он издевается, что ли?! – Юя уже орет, трясая масками. – Это что за порнуха опять? Понравилось?!

Ты вспоминаешь о том позоре, с каким вы сыскали тогда для Громилы деньги полгода назад, зная прекрасно, что та ужасная запись где-то еще висит. Ох, ну и впутались мы сейчас, вздыхаешь ты молча. Юя пинает здоровенную связку наплечников и прочей сбруи с застежками, словно украденную со склада секс-шопа, как будто ему предложили в непристойной форме заняться на улице «связыванием». На невозмутимом обычно лице застыла брезгливость и недовольство, но Юя хочет прежде услышать ответ от тебя. А ты и сам в изумлении.

– Нет, – говоришь ты, наклоняешься и берешь скользкую связку ремней, мысленно проклиная свою идею, которую доверил Громиле. – У нас полчаса, идем.

Вы начинаете запихивать сбрую и маски в пакет, боясь признаться друг другу, что не хотели бы их надевать. Юя сердито сопит, и ты с надеждой уже ожидаешь, что он откажется и сбежит.

– Ты оденешь их первым, урод, – зло говорит он, и ты понимаешь, что теперь для тебя все кончено.

Через полчаса вы стоите под призрачным светом аварийных огней в заброшенном здании недостроенного многоярусного гаража на границе самой дальней части парка Уэно, пробравшись туда в дыру в заборе. Это место вы с Юя и Харо присмотрели заранее, хотя Харо сперва настаивала, что это должно быть кладбище. Здесь нет ни камер, ни сторожей, вокруг котлован, пустыри и густой лес, но самое главное в том, что именно тут, на стройке и происходит последнее время НЕЧТО. Так называете вы, боясь друг другу сказать напрямую, что вам сами страшно и непонятно. На прошлой неделе двое рабочих разбились в том котловане, словно упав с большой высоты, и полиция остановила строительство. Еще раньше произошло убийство старушки, гулявшей с собачкой на пустыре, прием никто не задался простым вопросом, что ее туда понесло на ночь глядя. До этого писали об изнасилованиях на стройке и пропажах детей. Все было на редкость необъяснимо, следов не нашли, и вы после долгих дней флуда в сетях рассчитали, что начинать надо здесь, никто не сунется, напуганный дурными слухами и предчувствиями, разве придет поглазеть на вас водной черт каппа или клыкастая ведьма ямамба, что варит у себя в пещерах суп из зазевавшихся путников. Детские страшилки уже не для вас, и Юя поддержал идею, решив, что для первого раза огромные бетонные склепы вполне подойдут. Какаси и Сасуке тоже сказали «да», и Харо нехотя согласилась, поняв, что посторонних глаз тут легко избежать. Договор с Громилой был же заключен и ты не мог отказаться. Юя лишь сказал, что на всякий случай возьмет пистолет отца, офицера полиции, защитит его дома из сейфа, код к которому подсмотрел. Сегодня выяснилось, что в отличие от тебя он соврал, и потому, как побитый щенок, вынужден тебе подчиняться.

В бетонный проем огромного зала на шестом этаже скользнула еще одна тень, и ты отшатываешься, видя перед собой сердитое и напряженное лицо Харо. Она надела бандану и камуфляж, зная, что они не понадобятся, бросила скутер где-то далеко в переулке и успела извозиться в грязи, пробираясь по котловану. Она молчит, в руке у нее чемоданчик со всем содержимым для посиделок, и ты понимаешь, что пора показать добычу. Впрочем, она сама уже тянет из рук твоих сверток. И ахает, развернув.

– Я так и знала! Ты извращенец, Синдзи! – шипит она, тряся перед собой сбруей в рост человека из застежек и ремешков. – Ну и говно! Вот о чем ты мечтаешь!

– Этого я не одену, – поворачивается она к Юя, брезгливо протягивая ему нечто скользкое и блестящее.

Ты молча забираешь у нее черную гладкую сбрую, запихивая в мешок. Юя толкает в бок Харо и говорит еле слышно:

– Он первый оденет. Мы так решили. А потом поглядим.

– Окэй, – кивает она, презрительно от тебя отворачиваясь. – Не думай, что я одна буду ходить перед вами в этом наряде. – И уже к Юя. – Подымим напоследок?

Он не успевает ответить. Из-за стены, обрывающейся в темноту лестничной клетки появляются еще две фигуры, высокие и рукастые, спрыгивая сверху, словно какие-то обезьяны. Это Какаси и Сасуке, оба в спортивных костюмах, словно явились на тренировку, худые, рослые, словно статуи, с непроницаемыми лицами и в перчатках. Юя смеется над ними, иронизируя над перчатками, как инструментом воров, ты стоишь, онемев, понимая, что ждать осталось недолго. Харо грубо прикалывается, показывает им сбрую, они заходятся хохотом. Тогда ты берешь у нее чемоданчик, открываешь и раскладываешь на полу. Колонки, динамик, замки, клещи и арбалеты... В правом кармашке сбоку должна быть трава.

Вы сидите в кругу, передавая окурок из рук в руки другого, ты никогда не курил траву и тихо теперь хохочешь. Харо ограничила дозу, что не отрубились, но чтобы всем было весело. Разум уже плывет, но ты понимаешь, что всем очень стремно и каждый потихоньку загоняет свой страх вовнутрь, точно дикого зверя. Никто не знает, что выйдет из этой затеи, к которой вы готовились все три месяца с тех пор, как Громила проговорился о том, у его отца в управлении нашли-таки способ отстреливать этих чертовых призраков. Да и призраков ли? На самом деле, даже опытные эксперты по вооружениям и борьбе с терроризмом, не говоря уже о простых полицейских чинах, не могли толком сказать, с чем они борются. Пока все сводилось к тому, чтобы наблюдать за объектами, выяснить места их скоплений и возможные гнезда, где они размножаются. Громила подозревал, что под эти басни списываются громадные средства, да и на изобретение костюмов выделено немало денег, но результат почти нулевой. Никто не пойман, видели пару раз таинственные объекты, которые при всем желании призраками не назовешь, а уж имеют ли они отношение к той череде убийств и других происшествий, поразивших районы строек в Токио за последние месяцы, вообще невозможно ответить. Громила клялся, что костюмы работают, он сам проверял, кога их впервые привезли отцу, и тот запер их у себя. Их оставляли все больше и больше, и Громила смог как-то заныкать для них целых пять, как обещал. Когда о вчера позвонил и сказал об этом, у тебя душа ушла в пятки.

Ты встаешь. Юя болтает о чем-то своем, Сасуке и Харо смеются, Какаси следит за тобой. Сунув ему бычок, ты достаешь молча маску и сверток ремней, которые еще остаются в пакете, инструкцию, которую накануне сунул тебе Громила, и прерываешь их хохот злым криком.

– Хватит! Я одеваюсь!

– Давай! Мы поглядим! – говорит с усмешкой Сасуке и достает телефон, снимая тебя на камеру.

Следом камеры уже светятся в руках всех остальных. Ты отворачиваешься. Смотришь еще раз в инструкцию, написанную от руки торопливым очерком Громилы, надеясь, что понял ее неправильно, хотя накануне уже перечел десять раз. Сперва тебе показалось, что Громила прикалывается и издевается над тобой, но оказалось, что он не шутит. Костюм, если можно назвать так нелепую сбрую, облегающую тело, проходит через самые важные чакры, собирает энергию и концентрирует ее в голове, высвобождая зрение, прежде неподвластное обыденному сознанию. Сбруя выполнена из неизвестного вещества, хотя и похожа на кожу, но тут Громила не смог узнать ничего, сказав лишь, что ее сделали не на земле. Ты засмеялся, но выбора уже не было. Оставалось довериться его бреду, и ты, как затеявший приключение, был выбран пер-

вым его испробовать на себе. Теперь ты с ужасом видишь, что Громила не ошибался. И начинаешь при всех раздеваться, под сдавленный смех ребят, давно ожидающих этого, словно в зале стрип-клуба где-нибудь в Кабукичо, и до последнего веривших, что этого не случится. Зачем ты поклялся сделать это при всех, как главный в этой затее, ты уже и не сообразишь...

Ты путаешься в пуговицах, мучительно вспоминая, как еще пару месяцев назад, зимой на каникулах ты попал с ними в рекан где-то в районе Каруидзавы, куда раньше ездили самураи и богачи, и которым по триста-четыре года, как говорили хозяева. Юя снял для вас целый номер, с баней фуру и парилкой под открытым воздухом. В фуру ты был только с дедом в Кобе, да и то в таком возрасте, что помнил лишь клубы пара над горячей круглой ванной на холоде, из которой тебя вынимали, закутавши в одеяло. Никто из родителей, разумеется, об этой вылазке знать был не должен. Вы парились, курили траву, онанировали, пили пиво и потом блевали всю ночь, голые на морозе, едва выбравшись из бассейна, в котором после вас плавали какашки и белые, точно бабочки, сгустки спермы. Это было незабываемо, но повторить уже не пришлось.

Через минуту ты стоишь, отвернувшись от них, голый, дрожащий от холода, со сбруей и маской в руках. Тебе стыдно, яички втянулись от холода, член сморщился, как сухой пупырчатый зародыш у огурца. И лишь твое счастье в том, что это никто не видит. Тебя снимают сзади на камеру, щелкают телефоны, но тебе уже все равно, и ты краем сознания понимаешь, что Харо не ошиблась, притащив сюда травку. Кровь бурлит в твоих венах, тебе сейчас хорошо, кураж шумит в голове, и ты покачиваешься из стороны в сторону, словно пьяный на танцах. Ты разворачиваешь сбрую, пытаешься ее надеть, в руках она почти невесома, и похожа на паутину, оплетающую ноги и руки тонкими холодными кожистыми тяжами, как водоросли на морском дне. Харо хохочет, тыча телефоном в тебя, словно на тренировке в школе, когда тебя вызывают показать перед всеми лазание по канату или прыжки. Ты натягиваешь тонкую кожаную сеть на себя, ноги и руки сразу становятся гладкими, пористыми точно сеть рыбака, твои жалкие гениталии закрыты прочным стальным мешочком, ремни защелкиваются на груди, закрываясь щитком возле сердца. Ты слышишь его биение, почти чувствуешь, затягивая ремешки, оно готово выскочить вон, но уже поздно. Энергия, словно ток, выкачиваемая из твоего тела, летит по ремням, оказавшимся проводами, в шлем, в генератор, и он включается неожиданно для тебя. Ты поворачиваешься и стоишь перед ними, как человек-мотылек, черный, сетчатый, оплетенный черными протуберанцами, с маской в руках, похожей на шлем водолаза с огромными красными пылающими глазами-отверстиями в пол-лица. Нет только крыльев сзади.

Юя стоит, раскрыв рот и глядя на тебя, словно в зоопарке на обезьяну, но тебе все равно. Твое тело стало чужим и податливым, словно внутри тебя поселился новый хозяин, с мощным форсированным мотором на электричестве. Парни вскакивают, хватают свои тонкие доспехи из разорванного пакета и начинают раздеваться рядом с тобой. Ты мнешь маску с пылающими гигантскими глазами в руках, не решаясь ее надеть, она словно живая и даже моргает тебе.

Вскоре вас уже четверо, опутанных ремнями и проводами, теряющихся во тьме, словно из какого-то непонятного фэнтези, где уже случился апокалипсис. Смех стихает. Харо молчит. Она понимает, что следующая.

– Что, слабо? – говорит ей вдруг Юя, становясь рядом с тобой.

– Да пошел ты! – зло отвечает она, снимая его на свой телефон, закусив в раздражении губы.

Потом встает и начинает при тебе раздеваться.

Ты чувствуешь под ногами холодный бетонный пол, ремни режут тело под мышками и ягодицами, холод проникает сквозь кожу и сковывает желания, даже мошонка втягивается под фундоси внутрь живота, но тебе сейчас все равно. Харо снимает свой камуфляж, ребята поражены ее мускулами, накачанными в спортзале, словно желваки у гимнаста. Они перешептываются. Харо уже отвернулась и надевает кожаную сеть на себя. Застегивает щиток на лобке

и грудях, и ты готов всем поклясться, что успел углядеть ее щель между ног, выбритую ради такого случая.

– Поехали, Синдзи, думаю, они уже здесь, – говорит она, доставая из своего чемодана маленький стальной арбалет, и парни следуют поданному ей примеру. – Сбежались на пир.

Ты смотришь на Харо, не отрываясь, уставившись на ее обтянутую облегающей кожей почти нагую фигуру, на память приходит какая-то манга, от которой нет сил отмахнуться. Как же она хороша сейчас наяву. Это тебя заводит.

Ты берешь маску, проверив, что правильно ее держишь перед тем, как натянуть сверху. Парни делают то же.

– Надеваем! Все разом в один момент! – командует вдруг она, не глядя на вас, взяв роль командира.

Ребята все как один, натягивают тесную тугую материю из непонятного вещества на лицо, заворачивая на затылок, сразу становясь монстрами с большими пылающими глазами. Ты пытаешься совместить окуляры с глазами, но ничего не выходит, потом вспоминаешь, что их надо включить. Пальцы пытаются нащупать хоть что-то, похожее на выключатель, но все напрасно. Ты в панике, кайф улетучился, ты проклинаешь себя за свой стыд, о котором завтра узнают все. А если Громила вас обманул, и все снимает на скрытую камеру, чтобы завтра же разослать всем, кому надо, чем вы тут занимаетесь? От этой мысли становится не по себе, ты дергаешься со злости и внезапно чего-то касаешься в окулярах, огромных, словно глаза у мухи, переливающимися в тусклом свете тысячами огней. Прямо перед глазами вспыхивает сияние. Бетонный зал с провалами вместо дверей и ворот теперь виден ясно, как на ладони. Там, за спиной, все остальные еще вертят, ругаясь, свои окуляры, пытаясь включить.

Но ты уже знаешь то, о чем они не догадываются.

Ты не веришь своим глазам и громко выдыхаешь в истерике:

– Я ИХ вижу...

6. Иши

Отец начал с мотоциклов «Кавасаки» еще подростком и уже не смог больше остановиться. Когда он первый раз притащил домой новенький блестящий мопед, купленный им по случаю через множество рук, бабушка просто полезла на стенку. Место машине в доме все же нашлось. Работая некоторое время на фабрике, он научился сам их чинить и менять запчасти не хуже любого автомеханика, заодно экономя скудные средства семьи. Тогда он еще был не женат, но планировал завести семью, уже обзаведясь автопарком и должностью, но денег неизменно хватало лишь на мотоциклы, запчасти и прибабасы к ним. Ему пришлось сменить несколько должностей, перейти на другую фабрику, вырасти до директора производства, чтобы добиться цели. Потом его страсть перекинулась на машины. Лучшей и любимой из всех, прятанных теперь у него в гараже, была, конечно, «Тойота Фигаро», маленькая, удобная и компактная, на которой было легко объезжать пробки, не выделяться из общего ряда, но вместе с тем показать всем свою особость. Он возился часами с каждой своей новой тачкой, знал каждую мелочь и скоро мог заменить с завязанными глазами любую деталь. Его страсть превратилась в манию, мания переросла в психоз. С утра до ночи, даже в обеденный перерыв, его видели то зависшим, как журавль, на раскрытом капоте, то лежавшим под днищем машины на грязном татами. Он чинил, переделывал, собирал, улучшал, модернизировал, исправлял мелкие недостатки как одержимый. Говорить с ним о чем-то, кроме машин, было практически невозможно. Будучи от природы технически одаренным, он весь свой талант убил на копанье в автомобильных кишочках, подвесках и рычагах, забыв про семью, про родителей и друзей, которые постепенно исчезали из его жизни один за другим, но он этого даже не замечал. Ему пришлось сильно отвлечься только однажды, когда в Кобе погиб дедушка Иши, и то, потому что тот оказался его отцом. Потом он сильно жалел это потерянное зря время. Недовольство неудачами Иши становилось все яростнее год от года, как будто мальчик был его заместителем на грешной земле. На его непроницаемом для членов семьи лице скоро невозможно было прочесть даже капельки одобрения. Он просто взорвался, взбешенный провалом Иши, ожидаемым, впрочем, для всех. Простить мальчишку, провалившемуся на экзаменах в университет было выше даже его закаленных сил. Он видел в нем самого себя, молодого, глупого и наивного, и тем ужаснее для него было освобождение от этих иллюзий. Иши теперь с каждым новым своим чудачеством только укреплял его ненависть. Погруженный в заботы о долге и репутации, и по-прежнему захваченный страстью к машинам, он не заметил, что постепенно выпал из семейного круга. Все заботы давно на себе тянула жена, привыкнув к его отсутствию. Он жил для себя, не лез в дела Иши, и за то, что отец стал маньяком, Иши был ему теперь благодарен. За время, пока отец отсутствовал в реальной жизни, сын стал свободным художником.

Иши проснулся внезапно, как от толчка в живот. Он лежал поперек кровати головой вниз, как упал ночью. Шея болела ужасно от непривычного положения. Он приподнялся, пытаясь сообразить, где находится и сколько времени сейчас на часах. И чуть не умер от тяжелой головной боли, вспыхнувшей разом и затмившей его сознание. Боль была та самая, тупая, окутывавшая глаза пеленой, мучительная, как удары колокола над ушами, похмельная, чего давно с ним не случалось. Иши заставил себя встать неимоверным усилием и пошел к холодильнику, хватаясь за стены руками. Под ногами валялась одежда, перекатывались пустые пивные банки, что-то было размазано на полу, и Иши в это скользкое наступил, едва не упав. Он понял, что Кейко так и не появилась.

Достав торопливо пиво из холодильника, Иши раскупорил банку и долго и жадно пил, стараясь заодно утолить жажду, полыхавшую в глотке. Потом сел на стул возле окна, глядя на разъяснившийся горизонт. Ему стало легче, но тут он посмотрел из окна вниз, на мчавшиеся по дорогам в промежутках между узкими прорезями переулках машины, и понял, что проспал

все на свете. Испуганно вспомнил о том, что работа еще не сделана и вряд ли уже сегодня он что-то успеет в таком состоянии, и попытался найти наброски, забытые где-то в комнате, испуганно шаря глазами по сторонам. Ему показалось, что земля из-под ног уходит сама собой. Иши встал, держась за край стола и свалив нечаянно перечницу. Ни альбома, ни планшета, ни зарисовок, скомканных и изорванных им накануне, нигде видно не было.

Не веря своим глазам, Иши стал на колени и полез под кровать, надеясь хоть там найти результат своих пьяных записей. Там было пусто, но зато он нашел трусики Кейко, которые она накануне искала, каким-то образом очутившиеся под кроватью, зацепившись за край шурупа, торчавший из днища. Пиво определенно подействовало. Отдуваясь и чувствуя себя уже лучше, с прояснившейся головой, Иши поднялся, откинул край одеяла, сбившегося грудой в ногах кровати, и тут почувствовал, как волосы встают у него дыбом на голове и в руках холодеет. Он увидел то, чего явно видеть не ожидал...

Под одеялом среди скомканных записей и набросков лежал мятый, распечатанный с принтера, и оттого еще более страшный, рисунок-коллаж чудовища, при одном взгляде на который хотелось выбежать сломя голову вон. Иши испуганно захлопнул коллаж одеялом. Пытаясь пригладить вставшие дыбом волосы, он попытался вспомнить, когда успел вчера ночью, в пьяном угаре, слепить подобный кошмар. Сперва ему показалось, что он ошибся и это просто галлюцинация. Отогнув край одеяла, он увидел угол картинки и понял что это все же не сон. Не оглядываясь на нее, он сел за laptop, включил и начал лихорадочно шарить по директориям, пытаясь найти исходник. Рисунок был скрыт на рабочем столе, будто уже наготове и только ждал своего часа, чтобы предстать перед автором во всей красе. Иши случайно открыл его, не раздумывая, не помня, что значит эта иконка с бессмысленным номером, и чуть не обоссался от страха.

Схлопнув изображение, он некоторое время сидел в тишине, приходя постепенно в себя. В голове роились мысли о Кейко, о будущем, о работе и о сегодняшней встрече в редакции, и он вдруг понял, что решение уже готово, оно сейчас лежало перед ним на столе, дожидаясь своего часа. Больше того, он вдруг ощутил уверенность, что дело сделано, что его уже ждет гонорар и работа в кармане, что этой маленькой неведомо когда и как слепленной кошмарной картинкой он сможет скоро открывать ногою любую дверь, что он неожиданно для себя попал в струю и... Иши захохотал. Он смеялся долго, до икоты, до слез, пока не обнаружил себя катающимся по полу. Встал, пришел в себя, отряхнулся и, стараясь уже не отворачиваться, сел за стол и принялся обрабатывать изображение, наводя окончательный глянец. Чистил, добавлял мелкие детали, как то шерсть волка, клыки обезьяны, еще какую-то ерунду, стараясь не трогать основной абрис фигуры, что казалось, готова была кинуться на него прямо с экрана. Через час все было кончено. Он распечатал картинку, пытаясь на нее не смотреть, сбросил на флешку и только тогда с чувством исполненного долга встал и набрал номер телефона Киичи. Главному он звонить не посмел, тщательно соблюдая субординацию.

– Ну, что, тебя вчера не задело? – спросил Киичи его, когда оба они уже стояли у лифта, дожидаясь очереди, чтобы попасть наверх в начале рабочего дня.

Иши пожал плечами, и только сейчас вспомнил о землетрясении, случившемся ночью. Признаваться в том, что он был в тот момент уже сильно пьян, ему не хотелось, и он промолчал, туманно пожав плечами. Пока Киичи пытался понять ответ друга, Иши неожиданно похолодел, пронзенный догадкой. Он и так ломал все утро голову над вопросом, когда же, собственно, успел слепить на экране это страшное чудовище, поскольку к началу землетрясения у него еще ничего не было готово наверняка, а всего, что было потом, он и вовсе не помнил. Это беспамятство его пугало и настораживало. Он начал подозревать, что в квартире во время его похмельного сна все-таки побывал кто-то иной, оставив о себе в память изображение, но он гнал от себя эту дикую мысль. В конце концов, Иши даже проверил замок на двери и вещи, но лишь убедился, что к нему никто не входил, даже Кейко, что снова огорчило его. Захвачен-

ный азартом охотника, подобравшегося к добыче, он отогнал эти страхи, мысли о Кейко оставил на вечер, когда разберется с главным вопросом на этот час. А потом и вовсе о ней забыл.

– Дай посмотреть, – толкнул его в бок Киичи, когда они вошли в лифт с толпой.

Прижатый к стенке широченной спиной какого-то белого иностранца, Иши даже не дернулся лишь отвернулся и промолчал.

– Ну же, – настаивал снова Киичи, дергая за рукав. – Боишься, что украду?

– Все художники что-то воруют, – машинально ответил Иши.

– Я не художник, – отразил Киичи укол.

Иши подумал, что показать свое творение в лифте будет совсем необдуманно. Зная Киичи, он живо представил себе, как тот заорет и забьется в истерику, совсем некстати, хотя и могло польстить Иши, и без того довольному сделанным. Да и остальные могли хлопнуться в обморок. Если все пройдет хорошо, решил он, улыбаясь самодовольно на шепот Киичи, это стоит отметить сегодня каким-нибудь извращенным сексом, пусть для этого придется зайти в переулки Синдзюку.

Двери открылись с музыкальным сигналом, и Киичи выволок приятеля из толпы, растолкав мрачных гайдзинов, поднимавшихся в ресторан под крышу на какие-то переговоры. Вместе они побежали по коридору, поглядывая на часы, мелькавшие в дальнем торце, потому что уже опаздывали на минуту.

Главный стоял у окна спиной к двери и смотрел вниз на город, простиравшийся где-то в дымке у его ног и уходивший за горизонт. Тучи развеялись, вид уходящих вдаль улиц наводил приятные мысли на толстяка, он улыбался. Он знал, что соискатели появились, но отнюдь не вдохновленный началом дня – до Иши ему пришлось отвергнуть уже трех кандидатов, так и не накропавших за неделю что-то, что могло хотя бы оживить его привыкшее ко всему воображение – хранил молчание. Показывал своим видом, что отвлекаться на очередного жалкого компилятора ему не хотелось. С утра вывели из себя, и довольно, он мог позволить себе помучить сейчас хоть кого-то.

– Ну, давайте! – равнодушно произнес он, повернувшись наконец, к тихо ожидавшим его у дверей Киичи и Иши и сел за стол.

Раскачиваясь в мягком кресле, он принял из рук Иши, протянувшего с поклоном конверт с распечаткой и флешкой, коротко взглянул на Киичи, не раскрывая еще бумаг, и спросил:

– Почему не по почте? Видел уже?

– Автор решил подать его лично вам..., – ответил Киичи и извинился. – Боится, что украдут.

– Это хорошо, – задумчиво произнес главный, прежде чем открыть файл. – Значит, автор в себе уверен...

Он позволил себе пренебрежительно усмехнуться перед тем, как открыть обложку. В следующую секунду с ним сделалось то, чего даже Иши не ожидал. Едва взглянув на рисунок, главный подпрыгнул в кресле, вскочил и диким воплем, бросив тетрадь на стол, и отскочил подальше к окну. Киичи смотрел на него, выпучив от испуга глаза. Держась за сердце рукой и приглаживая вставшие дыбом остатки волос, главный прислонился спиной к окну и уставился выпученным невидящим взглядом в Иши, все еще переживая увиденное. В дверь заглянула испуганная секретарша.

– Предупреждать надо было! – сердито он произнес, отлипая от окна, и Иши с облечением понял, что Рубикон перейден.

Главный еще раз потянул на себя папку Иши, Киичи, заинтригованный случившимся, подкрался к нему и стал на носки, заглядывая через плечо. Оба уставились в папку, как зачарованные, и тут же с воплем отпрыгнули, отбросив ее, словно змею.

– Черт! – выкрикнул в шоке Киичи, уставясь на Иши, равнодушно глядевшего на них от дверей. – Что это там такое?!

Иши пожал плечами.

– Что просили. Разве не так?

– Да-да, все нормально, – ходил главный по кабинету, позабыв сразу свою неприступность и спесь и теперь лишь тер в смущении лицо и шею под душившим его воротником. – Уф, как же мерзко-то... Вот уж не ожидал. До кишок схватывает... То, что надо. Откуда ты взял эту тварь? – спросил он, приблизившись к Иши.

Он вздрогнул от неожиданного вопроса, и понял, что даже о том не задумывался.

– Из головы, – пожал он плечами в смущении.

– Не трогать! – заорал истошно вдруг главный, заметив, как Киичи тянется к папке вновь.

Как будто змею увидел. На глазах Иши стало твориться невероятное. Главный засуетился как школьник, чересчур резво для своей комплекции забежал по кабинету, обходя лежавшую на столе черную папку, куда-то звонил по двум телефонам, до того валявшимся на столе, потом в кабинет начали заходить какие-то люди, кланялись главному и главный кланялся им, они заглядывали в папку, хватались а сердце, вскрикивали, и все проходило своей чередой перед молча стоявшим Иши в углу, словно в кино. Потом его вдруг грубо толкнули, словно током ударили, Иши опомнился, видя, как главный уже подписывает контракт, ставя свою печать, Киичи бегал за ним, расхваливая таланты товарища, диск уже отправился в недра редакции, сопровождаемый всем предосторожностями, а Иши молчал, наблюдая свое восхождение на вершину будущей славы словно со стороны. Главный возник перед ним с контрактом и толстым конвертом в руках, протягивая с поклоном, словно тот был начальник.

– Уф, – сказал коротко он, будто сетуя на кутерьму, когда Иши забрал конверт, не глядя, и сунул его в карман. – Надо ж такое придумать?! Талант не пропьешь! – подмигнув, он обернулся к Киичи, подобострастно смотревшего на прыжки и ужимки шефа, задетого за живое. – Молодец, откопал мне сокровище. Но куда мы пристроим парня?! Я ведь его теперь никому не отдам!

Иши все еще сжимал одной рукой пухлый конверт, не веря, что его другая жизнь началась. Внезапно откуда-то из глубин коридора до них долетел чей-то истошный сдавленный вопль. Так обычно кричат умирающие в мучениях от страшных ран, и Иши это знал хорошо. Все трое переглянулись. Иши понял, что предупреждение главного не показывать никому папку было снова нарушено.

Он вышел из бокового входа редакции на Синдзюку и пошел машинально, как робот, не глядя по сторонам, по гранитной мостовой в сторону мэрии и дальше, в городские кварталы, пустые в тот рабочий час. Конверт грел его тело во внутреннем кармане пиджака, и Иши чувствовал, как нелепо на нем сидит теперь офисная одежда, которую он давно не носил. Было душно после вчерашних ливней. Рабочие в стороне от него гремели гранитными плитами, перекладывая тротуар. Кто-то с ними ругался из-за занятой ремонт парковки. В кармане гудел телефон. Иши понес трубку к глазам, увидел, что ему звонит снова Киичи, включил и услышал его восторженный крик. Не вслушиваясь больше в слова. Тотчас выключил. И понял, чего он ждет – звонка Кейко. Набрал ее номер, но он по-прежнему был отключен. Странно, подумал Иши и тотчас понял, чего сейчас хочет больше всего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.